

Полог генеральского шатра распахнулся с резким шорохом. Из полумрака шагнул человек в полном черном доспехе. Вокруг расстилалось кровавое побоище, выжженная земля была усеяна телами, но воин словно не замечал этого хаоса.

— Где «Черный Водяной Дракон»? — глухо спросил он.

Голос, чистый и холодный, точно горный ручей, прорезающий лед, в мгновение ока подавил витавшую над лагерем жажду убийства.

— Генерал, «Черный Водяной Дракон» здесь! — Ли Цюань пал на колени, высоко подняв над головой тяжелое копьё, весившее не меньше сотни цзиней. — Ваше оружие!

Фань Ло на мгновение замер.

— А где Ван Ху?

— Он... он... — Ли Цюань до боли стиснул зубы. На его лбу вздулись вены, взгляд застилала яростная пелена, но он не смог выдать ни слова.

В армии была лишь одна вещь, способная довести закаленного бойца до такого состояния.

Вдруг руки Ли Цюаня непривычно полегчали — «Черный Водяной Дракон» исчез, подхваченный незримым движением. Цюань невольно поднял голову и в тот же миг оцепенел.

Тонкие черты лица, кожа белее нефрита, брови, точно крылья парящего вдали орла, и миндалевидные глаза, в которых застыла густая, как тушь, чернота. Разве это был Ракшас, годами не сходивший с полей сражений? Перед ним стояла скорее благородная дева, сбежавшая из укрытых покоев.

Но стоило Ли Цюаню взглянуть, как он увидел в этом взоре лишь ледяное безразличие. Между бровей генерала проступила едва заметная алая отметина, источавшая ауру смерти.

Фань Ло шевельнулся — и точно порыв морозного ветра ворвался в гущу врагов. В его руках «Черный Водяной Дракон» оправдывал свое имя: копьё, подобно сорвавшемуся с цепи зверю, описывало вокруг хозяина смертоносные круги, оглашая воздух рокотом, напоминающим драконий рык. Острие вонзилось в глотку противника, древко изогнулось дугой, и резким рывком вверх генерал снес полголовы несчастного.

Взмах руки — брызги крови разлетелись в стороны, не успев запятнать лицо. Снова разворот, снова выпад. В каждом жесте Фань Ло сквозило ледяное спокойствие, будто он не обрывал жизни, а ломал старые куклы.

Шум битвы затихал. В воцарившейся тишине Ли Цюань кожей чувствовал страх варваров и благоговейный трепет своих солдат. Он смотрел на генерала, который одним движением забирал жизни, не моргая.

«Черный Водяной Дракон» был выкован из редчайшей стали: испив крови бесчисленных жертв, он продолжал сиять первозданным блеском. Его хозяин, весь в крови, слой за слоем покрывавшей черный доспех, казался изваянием бога, застывшим в храме среди подношений.

Фань Ло развернулся, полы его плаща взметнулись, и он с силой вонзил копье прямо в грудь трупов.

Тяжелый запах железа, сплетение мертвых тел... Ведь все они были людьми из плоти и крови. Ли Цюань, некогда бывший простым стражником, никогда не видел ничего подобного. Желудок предательски сжался, но он не мог отвести глаз от безупречного лица генерала.

«Этот жест, эта мощь... Во всем мире лишь наш генерал достоин такого оружия!»

В памяти всплыли полные гордости слова брата Вана.

Так вот какой он — их предводитель?

Ли Цюань застыл с открытым ртом. В первых лучах рассвета, окрасивших поле битвы в золото и багрянец, Фань Ло, Маркиз, умиротворяющий дальние земли, стоял среди крови, подобно истинному божеству войны.

Фань Ло снова увидел Ли Цюаня, когда возвращался после обхода лагеря. Издалека до его слуха донеслись тихие всхлипы, летевшие по ветру вместе с желтой пылью.

Это не был плач женщины или ребенка. Маленький солдат с копной выгоревших волос склонился над телом здоровяка, бережно стирая грязь с его лица мокрой тряпицей.

Слезы падали на щеки мертвеца. Плечи парня содрогались, он утирал нос рукавом, размазывая грязь по лицу, и не мог сдержать глухого воя, рвавшегося из груди.

На земле лежал десятник его личной гвардии. Лицо Ван Ху было спокойным, на губах застыло подобие улыбки. Если бы не страшная рана на горле, можно было подумать, что он просто спит.

Генерал Фань остановился, пристально глядя на плачущего солдата. В его обычно безразличном взгляде мелькнуло любопытство.

Шедшие следом помощники тоже замерли. Вэй Ю, известный своим вспыльчивым нравом, шагнул вперед, распахивая алые одежды:

— Чего развылся? Ты, сопляк! Из какого полка?

Вопрос был лишним — только гвардейцы маркиза носили черные доспехи.

Смерть на поле боя — дело обычное, но уныние одного бойца могло подорвать дух всего войска. Вэй Ю решил, что генерал слишком добр, и пора навести в лагере порядок.

Ли Цюань вздрогнул. Он обернулся к командиру с покрасневшими глазами и шмыгающим носом. Выглядел он до того жалко, что Вэй Ю даже осекся — за долгие годы службы он впервые видел воина, рыдающего настолько искренне.

— Генерал Вэй, — подал голос стоявший рядом старый солдат, отвесив поклон. — Глава Ван ушел... А этот малый был с ним очень дружен. Смилуйтесь над ним...

— Ха! — оборвал его Вэй Ю. — С каких это пор армия Чжэньюань превратилась в ясли? Еще и заступнички нашлись! Десять ударов палками. Ты за него получишь?

Десять ударов — наказание не смертельное, но кости после него ломало долго. Старик замаялся и замолчал.

В этот момент Фань Ло поднял руку, преграждая путь помощнику.

— Пошли, — коротко бросил он и направился к шатру.

Казалось, расправы удалось избежать. Старик уже хотел вздохнуть с облегчением, но Ли Цюань вдруг, словно обретя безумную смелость, бросился генералу в ноги.

— Генерал! Я готов принять кару! Молю лишь об одном... не сжигайте тело командира!

Ледяная маска на лице Фань Ло дрогнула. Он посмотрел на коленопреклоненного солдата, покрытого грязью и кровью.

— Генерал, старики в моей деревне говорили, что тело должно быть предано земле, иначе душа не найдет покоя! — Ли Цюань иступленно бил челом о землю, не обращая внимания на боль. — Если сжечь плоть, душа лишится опоры и в следующей жизни возродится скотиной! Смилуйтесь, прошу вас! Позвольте мне вырыть могилу для брата Вана! Чтобы родные могли потом забрать его прах, чтобы в следующей жизни он стал богатым и счастливым!

Старый солдат побледнел. Он прижал голову глупого мальчишки к земле, мечтая только об одном — чтобы тот замолчал.

— Сдурел? Ты не в своей деревне! Здесь свои законы!

— Но... но ведь...

— Ты будешь их хоронить? — Внезапный холодный голос заставил их содрогнуться. Ли Цюань узнал его. Это говорил генерал.

В этом вопросе почудилось некое исключение, и Ли Цюань, воспрянув духом, кивнул:

— Да! Я сам закопаю его!

Фань Ло взглянул куда-то вдаль и повторил:

— Ты будешь их хоронить?

Ли Цюань в замешательстве проследил за его взглядом и мгновенно посерел.

Пока он горевал, солдаты уже стащили в одну кучу тела павших при ночном нападении. Сотни мертвецов были свалены друг на друга, образуя жуткий холм. Черная кровь ручьями стекала в канавы, пропитывая землю.

Желудок Ли Цюаня снова скрутило. И тут снова раздалось:

— Ты будешь их хоронить?

Ли Цюань посмотрел на своего генерала, который для него был равен божеству.

Маркиз Фань медленно обвел взглядом окрестности, посмотрел на своих помощников, на солдат, заканчивающих уборку, и, наконец, опустил взор на Ли Цюаня. Взгляд генерала был полон мрака. Он прижал ладонь к своему доспеху, прямо к сердцу, и спросил в третий раз:

— Всех их... ты похоронишь?

Три вопроса, точно три удара колокола, отозвались в сознании Ли Цюаня. Кровь застыла в жилах, он не мог шевельнуть и пальцем. Кажется, он понял, что имел в виду маркиз.

«Пасть на поле боя и быть завернутым в лошадиную шкуру» — лишь красивые сказки для

столичных книжников.

Сейчас, пока битва не разгорелась, зарыть сотню тел — задача посильная. Но что будет завтра? Тысяча? Десять тысяч? Ли Цюань лишь один человек. Сколько костей он сумеет предать земле? И кто закопает его самого, когда он падет?

В тот час будет не до обрядов.

Огонь — это милосердие. Он очистит все до последнего пепла, и по крайней мере зверье не растерзает твою плоть.

Фань Ло увидел, как пальцы мальчишки, судорожно вцепившиеся в его плащ, на мгновение сжались, а затем бессильно разжались.

Тогда генерал перевел взгляд на рослого мужчину, который пять лет верно служил его десятником.

— Снимите жетон. Сжечь.

Ему всё же была уготована очищающая ярость костра.

Вдруг Ли Цюань, словно опомнившись, кинулся к телу командира. Он лихорадочно начал расстегивать его внутренний кафтан. Пока все в недоумении наблюдали, он дрожащими руками достал крошечные детские башмачки с расшитыми тигриными мордочками.

— Это... брат Ван вез своему нерожденному ребенку, — он протянул обувку распорядителю. — Не могли бы вы... передать это его семье?

Старик-солдат, стоявший рядом, вздрогнул. Он схватил Ли Цюаня за загривок и снова вмял его лицом в грязь.

— Генерал, десятник не собирался нарушать устав!

Армейский закон был суров: во время войны солдатам Чжэньюань запрещалось покидать лагерь ради личных дел. Чтобы купить эти башмачки, Ван Ху тайно оставил пост, совершив тяжкое преступление. Ли Цюань же стал соучастником, скрыв правду.

Но малый и правда не знал об этом уставе...

— Десять ударов палками, — холодно произнес Фань Ло, не оборачиваясь. Пять лет верной службы не значили ничего перед лицом закона.

Приказ исполнили немедленно. Глухие удары — «па-па» — посыпались на спину Ли Цюаня.

Мальчишка, который только что захлебывался слезами, теперь не издал ни звука. Он лишь крепче прижимал к груди крошечные тигриные башмачки, и казалось, смерть не заставит его разжать руки.

Под размеренный счет экзекутора Фань Ло направился к своему шатру.

Вэй Ю шел следом, озадаченно почесывая затылок:

— Не пойму я... Десять ударов он все равно получил. К чему было это милосердие вначале?

Ян Цзо посмотрел на скорчившегося солдата. На его заурядном лице промелькнула тень понимания.

— Ты хотел сорвать на нем злость, не имея на то права. А генерал поступил по закону. Как ты можешь их сравнивать?

Вэй Ю только хмыкнул:

— Один черт — побили парня.

<http://bllate.org/book/17414/1648440>